

БАНКРОТСТВО ГОСУДАРСТВА И НОВЫЕ КВАЗИ- И ПСЕВДОГОСУДАРСТВЕННЫЕ СУЩНОСТИ¹

(тезисы)

1. Введение: обзор текущего состояния проблемы

1.1. Эволюция концепта государства

(а) государство – определённое состояние народа, его политическая форма (зафиксированное в формальной норме – законе – распределение власти). Цицерон: республика – собрание людей, живущих по закону. Не все народы достигают состояния государства. Безгосударственные сообщества – вождества²;

(б) современное понимание государства – организация, включающая народ и правительство, но не совпадающая ни с тем, ни с другим (корпорация). Государство – юридическое лицо, искусственная личность, обладающая собственными доходами (налоги), имуществом, и расходами (содержание судов, вооруженных сил, чиновников). Эти доходы и расходы экономически обособлены, отделены от доходов и расходов и королевской семьи, и населения (Кревельд, 2016);

(в) современное государство по историческим меркам сравнительно молодой институт. В Европе он возникает после Вестфальского мира (1648), в других частях света ещё позже. Процесс становления этого института связан с разделением власти и собственности. В этом отношении, как полагают многие экономисты и социологи (Нуреев, Латов, Плискевич, Кордонский, ван Кревельд, Норт, Тилли и др.), в ряде развивающихся стран, включая Россию, этот процесс ещё не достиг той стадии, когда можно говорить о «настоящем» государстве. Последнее предполагает демократическую (смешанную) политическую форму («честные выборы»), транспарентность доходов и расходов, что сводит коррупцию к минимуму, независимость судов и СМИ и т.д.

1.2. Смысл истории

(а) возникновение истории – и исторической науки – роль христианства (Гефтер). Движение от «естественного состояния» к «спасению» и «царству Божию» - прогресс. До христианства: внеисторические народы, не знающие времени и империи как вневременные, вечные образования, в которых социальная роль индивида определяется его происхождением;

(б) сразу после появления «государства – корпорации» возникает и противопоставление государства и общества (народа). Старый концепт «состояния народа» (state) утрачивается, государство рассматривается как нечто враждебное обществу. Сначала все права принадлежат государству, личность обладает только правом на безопасность и сохранность имущества (Гоббс, «Левиафан»), потом возникает идея естественных прав человека (Локк), которые постепенно расширяются. Марксизм – ветвь либеральной традиции, различие между Энгельсом и Фукуямой («Конец истории и последний человек») в том, что в первом случае государство претерпевает революционную ломку, во втором – растворяется, «как сахар в кофе». Победа демократии и капитализма во всём мире – это **конец политической истории как истории государств и межгосударственных войн, венец прогресса, глобализация;**

¹ © П.А. Ореховский, 2017 г.

² Один из важных признаков государства – появление денег, которые имеют декретную (фиатную) основу. По мнению многих экономистов, происхождение денег связано с уплатой налогов. В этом случае количество денег сразу же отрывается от «товарной массы» и количества торговых сделок. Альтернатива – появление денег как средства накопления, сохранения богатства, увязывающая количество денег и товаров; этого взгляда также придерживаются многие экономисты. Несмотря на то, что доктрина «реальных векселей», предполагающая, что деньги должны быть обеспечены «товарной массой», неоднократно опровергалась, споры вокруг этих позиций продолжаются.

(в) расширение прав человека приводит к увеличению обязанностей государства. К концу 20 – началу 21 в. расходы государства устойчиво превышают его доходы, что приводит к росту государственного долга. Возникает идея приватизации государственных функций. Начало 21 в. – устойчивая деградация государства как института, передача ряда функций «обществу». Нарушения глобального порядка, новые вызовы. Старый смысл истории утрачивается, новый не обретается, более того, большие методологические вопросы вообще не дискутируются. Постмодернизм.

1.3. Эволюция концепта войны

(а) первоначально война рассматривалась как вооружённое столкновение народов (государств). Цель войны – приобретение рабов, земель, трофеев, **увеличение богатства победителя** – т.е. война выступала своеобразным средством ведения хозяйственной деятельности, для некоторых государств (Спарта) – **основным средством**. Отличие – **религиозные войны**, когда противник подлежал полному уничтожению («священная война», Ветхий завет, примеры уничтожения израильтянами амалекитян и мадианитян. Эти войны – **тотальные**, полное уничтожение противника). Противная сторона не рассматривается как «принадлежащая к роду человеческому», это – «абсолютное зло»;

(б) христианство – возникновение концепта «справедливых» и «несправедливых» войн (сама по себе война между единоверцами, придерживающимися одной идеологии, противоестественна. Современная аналогия: между демократическими государствами нет причин для войны);

(в) война после 17 в. между современными государствами: триада – население, армия, правительство (Клаузевиц). Война ведётся между армиями за изменение **формы государства**: его территории или/и политического режима. Население **по возможности** исключается из вооруженного конфликта;

(г) 20 в. – изменение характера войны: «тоталитаризм», утрата «триады» (ван Кревельд, 2015; Калдор). Война ведётся народами, а не армиями, наличествует милитаризация и всеобщая мобилизация. Возникновение концепта «государственного преступника» по отношению к проигравшей стороне. Возвращение архаичного религиозного характера войны – люди с неправильной идеологией, принадлежащие к неправильным народам и т.п. должны быть уничтожены. Возникновение комплекса «коллективной вины» и «коллективной ответственности». Изменение дискурса: появление концепта «государственный преступник», «преступный режим», «преступное государство» (в конце 20 в.: «страна-изгой», с которой можно делать всё, что угодно). Создание оружия массового поражения. Создание ядерного оружия, доктрина взаимного уничтожения и, как следствие, невозможность «мировых» межгосударственных войн. Концепты «коллективной вины» и «преступного режима» – важнейшие особенности современного дискурса, без них невозможна легитимизация «партизан» и «терроризма» (см. следующий раздел).

1.4. Место экономики

(а) ещё до Нового времени экономические цели, в основном, были главными целями войны. Выигрывающая сторона получала дополнительные ресурсы и увеличивала своё богатство. Однако, наряду с этим, существовали жестокие религиозные (идеологические) войны, где экономические соображения отступали на задний план. В качестве особенности этой эпохи следует отметить, что далеко не всегда более богатые государства побеждали в войне с относительно слабыми государствами или вожествами (варварами). Исход военных столкновений не был предопределён;

(б) после 17 в. вооруженные конфликты, как правило, заканчивались победой более сильных, более развитых в экономическом отношении государств. Более того, **победа богатых над бедными легитимизируется, так как она соответствует смыслу истории**, это – «прогресс». Важным исключением является Россия:

✓ Северная война с Швецией – объяснение успеха приписывается петровской модернизации;

- ✓ война с Наполеоном – конфликт примерно равных соперников, победа слабой армии за счёт тыла, стратегических преимуществ большой территории и численности населения;
- ✓ Великая Отечественная война – необъяснимо в рамках действующего доминирующего историко-экономического дискурса и прежнего «смысла истории». Отсюда изменение отношения к истории СССР – сразу после войны: мировая держава с передовой экономикой, грозный конкурент США, после 90-х – отсталое государство, завалившее фашистскую Германию трупами. Постепенная ревизия результатов второй мировой войны (основная роль победителя – США), уравнивание «преступного режима» Гитлера с «преступным режимом» Сталина, превращение – задним числом – СССР в «преступное государство», возложение «коллективной вины» на Россию как на правопреемницу СССР.

(в) конец 20 в. – полное преобладание экономического дискурса. Богатый = развитый = демократический = свободный. Глобализация: навязывание выгодных богатым правил торговли. Использование «твёрдой валюты» как средства перераспределения мирового богатства. Формирование «больших экономических пространств» (по К. Шмитту – Номос земли, 2008).

II. Децентрализация насилия и тупики прежнего дискурса

2.1. Кризис института государства и возникновение новых сущностей

(а) традиционное «территориальное» государство, рассматриваемое как корпорация, постепенно сокращает свои функции. Трансформируются прежние системы социальной защиты, образования, здравоохранения. Но трансформация происходит после достижения очень высокого уровня дохода, что позволяет некоторым странам (напр., Финляндии) реализовывать «коммунистическую утопию», вводя гарантированный базовый доход. Характерно при этом, что в государствах с относительно низким доходом (БРИКС) государство пока не только не сокращается, а растёт;

(б) формируются новые искусственные сущности. Часть из них включает в свой состав прежние государства, которые передают часть своего суверенитета центральным (федеративным) органам управления. Несмотря на масштаб таких межгосударственных образований, их политическая форма весьма напоминает прежние империи. Другое **квази-государственное образование – транснациональные корпорации (ТНК)**. По экономической и политической силе ТНК вполне сравнимы с государствами, кроме того, они как правило обладают собственными службами безопасности и СМИ. Поскольку они не имеют территориальной привязки, в экономическом отношении они намного более эффективны, чем государства, и легко могут менять место базирования (адрес), акционеров (народ), менеджеров (правительство). В силу этого они представляют угрозу государствам: их деятельность легко может разрушить экономику относительно малых стран. Тем не менее они имеют и несколько важных уязвимых мест:

- ✓ ТНК не обладают собственными судами и вынуждены считаться с законами тех или иных юрисдикций (или уходить из этих территорий);
- ✓ владельцы ТНК – физические лица – представляют собой граждан тех или иных «национальных государств» (резиденты). Их имущество локализовано и может быть арестовано (конфисковано) государством, а сами они подвергнуты уголовному преследованию. **Они не обладают экстерриториальностью**, в отличие от самих ТНК;
- ✓ службы безопасности и охранные структуры, несмотря на их численное превосходство над полицией и армией, пока ещё вынуждены согласовывать свои операции с последними, в противном случае они становятся противозаконными.

Наконец, появился третий тип сущностей – экстерриториальные, не имеющие «территориальной привязки», **псевдо-государства**. Первый опыт – 90-е гг. на территории бывшего СССР «Конфедерация горских народов Кавказа». В прямом столкновении с этой структурой Грузия потерпела поражение. Нынешнее «Исламское государство» также

представляет новый тип институциональной структуры, хотя и имеет очевидные исторические аналоги («Царствие Мое не на земле»). Эти новые акторы не вписываются в прежний политический дискурс: они не занимаются «производством ВВП», не обеспечивают «рост благосостояния» и т.п. В связи с этим их характеризуют «террористические группировки» (без территориальной привязки), или как «преступные режимы» (при наличии контроля за той или иной территорией).

2.2. Партизаны и террористы

(а) партизан – гражданин, соблюдающий легальные нормы поведения, подчиняющийся законам государства, но отрицающий легитимность правительства и политического режима в целом (Шмитт, 2007). Деятельность партизан невозможна без поддержки местного населения, партизаны всегда локализованы. Без жестокого подавления, как и без существенной поддержки извне мятежные провинции могут существовать относительно долго, угрожая целостности государств. Однако отдельные партизаны, как правило, не могут «совершить революцию», т.е. захватить всю страну. Если происходит последнее, партизанская война превращается в полноценную гражданскую войну, хорошо описанную историками и политологами (первый опыт – испанская герилья во время оккупации наполеоновскими войсками);

(б) террорист – промежуточная социальная роль между мучеником и бандитом (Страда). Террорист, как и партизан, преследует цель изменения политической формы государства, разрушения прежнего мироустройства, революции. В случае успеха революции погибший террорист становится мучеником и зачисляется в «пантеон героев». Провал ведёт к уравниванию террориста с обычным уголовником, убийцей и последующему забвению;

(в) специфика террора – в сравнительной дешевизне акций по сравнению с полномасштабной войной. При этом внешняя поддержка государственных переворотов = революции **без последующей оккупации** позволяет позиционировать террористов как настоящих демократов = патриотов = борцов за свободу какой либо страны=территории. Это неизбежно приводит субъектов международных отношений, ведущих борьбу за ресурсы и влияние, к делению на «хороших повстанцев» и «плохих террористов». Государство, которое ведёт борьбу с «хорошими террористами» = повстанцами – «преступный режим», подлежащий ликвидации, а его деятели должны быть преданы международному суду (трибуналу).

2.3. Защита прав человека как перманентная революция

(а) современные постиндустриальные общества представляют собой совокупность меньшинств, большинство по тем или иным вопросам формируется ситуационно. Либеральная демократия означает, с одной стороны, гарантию прав меньшинств, с другой стороны, в случае постоянного расширения прав меньшинств, возникает неизбежное подавление прав большинства тем или иным меньшинством;

(б) демократизация того или иного государства означает поддержку тех или иных меньшинств извне, что, в свою очередь, на определённой ступени демократизации и сопротивления этому процессу официальных властей и ситуационного большинства предполагает поддержку «радикальной оппозиции», включая местных партизан и террористов. Однако подобная поддержка со стороны ТНК, развитых государств или их объединений имеет стратегический смысл при экономической отдаче от захвата ресурсов и рынков в долгосрочной перспективе. В противном случае «спонсорство терроризма» становится весьма затратным и приводит к экономическому перенапряжению (сюда же следует отнести и введение санкций).

III. Рейдерство и механизмы извлечения дохода из вооруженных конфликтов. Возвращение войны

3.1. Потенциал децентрализованного насилия

(а) удельный вес занятых в охранной и военной деятельности США – свыше 19% (Шиллер), эта сфера находится на втором месте после финансовой отрасли (20% занятых). В России работников ЧОП-ов свыше 740 тыс. человек, что сопоставимо с численностью вооруженных сил РФ (850 тыс. чел.). Эта цифра не включает службы безопасности корпораций и банков, консьержей, фирм производителей и монтажников систем наблюдения и т.п. Рост занятости в данной сфере – общемировой тренд. При этом экономисты не оценивают затраты на данную деятельность. Экономический мейнстрим не фиксирует таких издержек (предполагается, они =0), собственные службы безопасности, охранники – это непроизводственные накладные расходы;

(б) службы безопасности активно участвуют в специальных операциях, в рейдерстве. Частные военные компании действуют в войнах, партизанских операциях, готовят «хороших террористов». Государство фактически уже потеряло монополию на насилие (ван Кревельд, 2016). Действующие акторы – ТНК, часть «традиционных» национальных государств и новые экстерриториальные псевдогосударства используют децентрализованное насилие для достижения дохода и стратегических политических целей.

3.2. Механизмы извлечения дохода

(а) распад «традиционного» национального государства представляет собой процесс, аналогичный банкротству фирмы. Целью рейдерства является получение контроля над активами, часть из которых находится в натуральной форме (земля, природные ресурсы, промышленные активы, часть человеческого капитала), часть – финансовые активы. Именно последние являются главной целью рейдерства;

(б) необходимость борьбы с радикальной оппозицией одновременно с обеспечением растущих обязательств перед населением приводит к напряжению финансов государства, дефициту бюджета и, как следствие, росту государственного долга. В сложных ситуациях государство прибегает к заимствованиям у зарубежных организаций, в первую очередь, у финансовых ТНК. В процессе «банкротства государства» долги реструктурируются, а не списываются. Учитывая выплату процентов, банкрот выплачивает 250-300% суммы долга (пример стран Латинской Америки);

(в) захват финансовых активов **не требует контроля над территорией** и связанных с этим издержек по поддержанию оккупационного порядка и стабилизации демократической политической формы. Тем не менее установление контроля над финансовыми активами требует установления режима «внешнего управления», что возможно только в случае «победы революции», пользующейся поддержкой извне;

(г) важнейшим в таком рейдерстве является внешний контроль за Центральным банком и финансовой системой, гарантирующий вывоз капитала. Это также позволяет управлять валютным курсом и инфляцией.

3.3. Политическая рамка институтов экономической гегемонии

(а) конкурировать с ТНК могут только «большие экономические пространства». Распад больших государств на малые позволяет ТНК диктовать свои условия, заниматься «шопингом политических режимов». Следствием такого распада последующего рейдерства является неизбежная деиндустриализация и соответствующая депопуляция. Как результат, такие государства навсегда теряют свою субъектность в той или иной форме (примеры Югославии, Ирака, Ливии, части республик бывшего СССР);

(б) «утилизация» стран с помощью контроля за финансовой системой соответствует представлениям Дж. Арриги о высшей стадии гегемонии, когда страна-гегемон от «производства товаров» переходит к «производству денег»³. Отличие в том, что Арриги

³ И это естественно, если учитывать фиатную природу денег. Доверие к гегемону выражается в готовности принимать его денежные знаки в обмен на товары и услуги, вести расчёты в соответствующей валюте. «Дегградация государства» одновременно ведёт к хаосу в валютно-денежных отношениях (см., например, Мейсон).

рассматривает вооруженные силы как «пассивную функцию» от экономической мощи. Но 21 в. показывает существенные отличия от предыдущих циклов. Аналогично – отличие предлагаемой концепции от концепции Валлерстайна в том, что в 21 в. мир-империя и мир-экономика представляют собой неразрывные части, политическая гегемония служит основой, а не следствием экономической мощи.

IV. Вместо заключения

4.1. Возвращение архаики

(а) по мере «отступления государств» наблюдается резкое **усиление фрагментации социальной и хозяйственной жизни**. Мир ТНК характеризуется высокой социальной мобильностью, высокой зарплатой менеджеров, космополитизмом. Этим же характеризуются «мировые города». Напротив, в «провинциях», на периферии контроль за территорией осуществляют преимущественно военизированные частные структуры. Муниципалитеты и региональные органы управления превращаются в декорацию, «имитационную демократию» (Фурман). Доходы, качество социальных услуг, мобильность отличаются здесь в разы и порядки. Существенная часть благ не монетизируется, оставаясь в рамках личных подсобных хозяйств и взаимных «бесплатных» услуг. Заодно периферия порождает «внутренних эмигрантов» - партизан;

(б) в условиях кризиса прежней идеологии «прав человека» и «прогресса» на первый план выходят старые концепты **крови, почвы и религии**. На этой основе формируется политическое различие между «своими» и «чужими» с последующим началом борьбы за установление господства «своих». Господствующий класс при этом представляется **коррупцированным по определению** (он космополитичен, и уже в силу этого коррупцирован).

4.2. Поиск нового дискурса и возможности сохранения мира

(а) в пределе утопия «прав человека» предполагает исчезновение государств вместе с их бюрократией и репрессивной машиной, формирование единого и свободного человечества. Реализация этой идеи в условиях роста неравенства в доходах и имуществе (Пикетти) ведёт к росту конфликтов, в том числе – вооруженных. Показателен пример права на свободу передвижения: богатый человек может ехать, куда хочет, миграция бедных ограничена административными границами. Поэтому доминирование прежнего либерального дискурса парадоксальным образом будет способствовать увеличению вооружённых конфликтов «низкой интенсивности»;

(б) дискурс революций уже изменился (Голдстоун), теперь стало очевидным, что это не «локомотивы истории», ведущие к «смене общественно-экономических формаций». Однако взгляды на прогресс=демократизацию сохраняют своё влияние (Асемоглу, Робинсон; Истерли; Гайдар; и др.). Очевидно, что это также будет способствовать появлению всё новых «преступных режимов» со всеми вытекающими последствиями;

(в) возможности сохранения мира при прежнем понимании «смысла истории» призрачны. Альтернатива – создание других концептуальных моделей, включающих анализ современных войн (конфликтов низкой интенсивности), определяющих границы взаимодействия «прав человека» и «прав государств». Концепт «преступного режима» должен быть выведен за рамки исследований и общественного дискурса (Френсис).

Для экономиста, в свою очередь, поучительно наблюдать за появлением и эволюционированием криптовалют, которые «ничем не обеспечены» и не являются валютой национального государства.

ЛИТЕРАТУРА

- Асемоглу Д., Робинсон Дж. Экономические истоки диктатуры и демократии. – М.: 2015.
- Гайдар Е. Власть и собственность. – СПб: Норма, 2009.
- Гефтер М. Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством. Опыты политические, исторические и теологические о Революции и Советском мире как Русском. Разговоры с Глебом Павловским. – М.: Европа, 2015.
- Голдстоун Дж. Революции. Очень краткое введение. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
- Истерли У. Тирания экспертов. Экономисты, диктаторы и забытые права бедных. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.
- Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
- Клаузевиц К. О войне. – М.: Логос, Наука, 1936.
- Кордонский С. Россия. Поместная Федерация. – М.: Европа, 2010.
- Крауч К. Постдемократия. – М.: ИД ВШЭ, 2010.
- Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. – М.; Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2016.
- Кревельд М. ван. Трансформация войны. – М.: ИРИСЭН, Социум, 2015.
- Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – М.: Изд-во Института Гайдара.
- Нуреев Р. Россия: особенности институционального развития. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011.
- Пикетти Т. Капитал в XXI веке. – М.: Ад Маргинем, 2016.
- Страда В. Этика террора. От Федора Достоевского до Томаса Манна. – М.: Политическая энциклопедия, 2014.
- Тилли Ч. Демократия. – М.: Институт общественного проектирования, 2007.
- Френсис Д. Переосмысление войны и мира: апология пацифизма. – б.м.: Издательские решения, 2017.
- Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М.: АСТ, Ермак, 2004.
- Фурман Д. Избранное. – М.: Территория будущего, 2011.
- Шиллер Р. Финансы и хорошее общество. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.
- Шмитт К. Номос земли в праве народов *jus publicum europaeum*. – СПб.: Владимир Даль, 2008.
- Шмитт К. Теория партизана. – М.: Праксис, 2007.